

М. Богорад



МАРГАРИТА

Маргарита Богорад

Маргарита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69310726

SelfPub; 2023

Аннотация

Писать о себе трудно. Во-первых, я не герой. Обычный человек или нет – не мне решать. В книге рассказала подробно о жизни своей семьи. А сейчас просто расскажу о себе. С чего начать? С детства. Как в простой советской семье родилась девочка с ДЦП. И как сложилась ее жизнь в любимой семье и когда осталась одна. Книга о семье, жизни, о любви.

Содержание

Об авторе	5
Почему я написала эту книгу	8
Часть 1. Дорога	9
Начало. Семья	9
Школа № 17	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Маргарита Богорад

Маргарита

Об авторе



Бывает, ищешь в жизни человека, который воодушевит тебя своим примером, поменяет направление в жизни, заставит мыслить иначе. И вот ищешь его, смотришь во все глаза, в ожидании нащупываешь новые нотки в своей душе. Но поиск ни к чему не приводит, увы.

Мне повезло: лет десять назад я встретила Риту Богорад, как всегда, в обычных условиях – у нее дома на уроке немецкого языка. До этой встречи я не могла представить людей с диагнозом ДЦП, а тем более – себя в их компании, компании деловой, объединенной общей целью: научиться немецкому языку. Обычному человеку представить это трудно. Но чем дольше я ходила на уроки, тем больше понимала, как мне интересно в семье Риты, как меня тянет в ее и ее папы Ильи Ароновича дом – не столько из-за научных достижений, сколько из-за человеческих впечатлений. И хотя сейчас мы редко видимся и, к сожалению, не в том же составе из-за кончины Ильи Ароновича, я все равно ухожу из дома Риты с тем же вдохновением, с мыслями, что возможно все. Да, это звучит как-то наивно-глобально, но когда ты видишь пример нереальной силы духа человека, жажды жизни, стремления идти, ползти, скрестись – но только вперед, то понимаешь, что в жизни нет преград. Вопреки, несмотря на, назло!

Я искренне желаю Рите добрых людей, которые поддержат ее во всех замыслах. Я знаю, эти замыслы всегда будут в ее светлой голове. Хоть Рита скептически относилась к амби-

циозным начинаниям папы, но гены не исправишь – она сама такая. Рисковая, авантюрная, тонко чувствующая, желающая любить и быть любимой. С ней всегда интересно выпить бокал красного, а то чего и покрепче, на уютной кухне, пошутить, посмеяться, забыть о времени, хотя часы висят над столом. Да, именно такой я тебя знаю, Рита Богорад, моя любимая фрау Марго.

Лена Рогова

Почему я написала эту книгу

Писать на сайте «Проза. ру» я начала давно.

Богорад Маргарита.

Это были небольшие истории из жизни. Все, кто меня знал, говорили, что меня ни с кем не спутаешь по стилю. Многие знакомые лет пять-шесть назад даже предлагали по-пробовать издать книгу. Я только смеялась: ну какой из меня писатель!

А потом папа издал две книги... И мне захотелось объединить мои истории. Тем более что один из знакомых сказал, что такая книга была бы интересна и полезна многим людям. Когда я ответила, что издание требует денег, а их, как всегда, нет, он посоветовал: «Ты, главное, пиши, все решится само». И оказался прав. Видимо, то, что должно произойти, происходит обязательно.

А что из этого вышло – судить вам, мои дорогие читатели.

Часть 1. Дорога

Начало. Семья



РОЖДЕНИЕ. ДЕТСТВО

Я родилась в обычной советской семье. Маме тогда было двадцать четыре года, папе – двадцать пять. Родилась мертвой – двадцать минут не дышала. Дабы не ухудшать показатели смертности, врачи оживили меня. В Совке главное – хорошие показатели, то есть меньше смертности в роддомах – любым путем. Папе в армию послали телеграмму: «Приезжайте, родился больной ребенок».

В роддоме маме и отцу советовали написать отказ: мол, молодые, еще родите. Бабушку и дедушку тоже уговаривали. Моя семья не послушала советы – забрали меня, хотя столько времени я не дышала и могла оказаться умственно отсталой. Ну и далее, не жалея себя, семья занялась мной. Бесконечные хождения по врачам, занятия дома. Для любимой дочки и внучки делали все. Санатории, поездка в Ейск дикарем, лечение. Мама бросила прежнюю работу и пошла работать в детсад для детей с ДЦП – со мной.

Бабушка и дедушка жили в Рузе, до школы я больше любила находиться там. Санки, дети соседей, печка, любовь семьи. Летом весело, все внуки приезжали. Кроме меня, еще четыре внуки с разницей в возрасте от года до пяти лет. Мы очень дружили. Всегда вместе.

Читать я начала в четыре года, любила сказки. Еще обожала играть в куклы. Кукол было много, и самая любимая – немецкая кукла-красавица. Большая, мягкая, руки и ноги гибкие, волосы светлые, кудрявые. Я ее кормила, укладыва-

ла. У меня была детская посуда и детская мебель. Мне нравилось садиться и все раскладывать. Когда я уже училась в школе и у нас были занятия ЛФК, я приходила домой и занималась гимнастикой с куклой, сгибала красавице руки и ноги. Со временем ее костюм порвался, и моя бабушка сшила новый – синий, в желтый мелкий цветочек. Когда мы переезжали в другую квартиру, моя красавица потерялась.

В Рузе, когда в выходные приезжал папа, мы до ночи вырезали кукол из модных журналов и наклеивали их на картон. Очень любили строить из картонных коробок домики с окнами и дверьми. Еще папа катал меня на велосипеде – сажал на раму; это незабываемо.

В Москве мы жили в коммуналке, в четырнадцатиметровой комнате. Там стояла моя кроватка, диван, стол, черно-белый телевизор на тумбочке у стенки. И сейчас я помню ту комнату и длинный коридор, по которому носилась на самодельных ходунках.

Кроме нас, в квартире жили соседи – Борискины, семья рыжего Коли-пьяницы и бабушка Полина.

У Коли было трое детей намного старше меня, но они играли со мной. Коля-пьяница работал проводником поезда. Он избивал всех: свою семью, соседку – бабушку Полину, моего папу. А меня любил, привозил мне из поездок арбузы, семечки, фрукты.

Лида, я ее так и звала, жена Коли, очень хорошо ко мне относилась. Она была женщиной крупной, громкой, отменной

матерщинницей. Однажды зашла к нам в комнату и спросила маму, не стесняясь в выражениях, с матерками: «Рая, а что, Ритка никогда не была в Мавзолее? Одевай ее немедленно». Мне было тогда пять-шесть лет. Лида посадила меня на плечи, и мы поехали на метро в Мавзолей. Очередь туда стояла бесконечная. Лида всех растолкала, и мы прошли к Ленину. Это одно из ярких впечатлений детства.

Бабушка Полина – седовласая женщина с протезом – казалась мне старушкой, хотя ей было, наверное, около пятидесяти пяти лет. После войны она попала под трамвай, ногу пришлось ампутировать. Работала Полина на текстильной фабрике, а дома шила, вышивала и вязала удивительные вещи. Моей маме шила красивые платья, мне вышила корону. Помню, на ее диване лежали маленькие подушечки с красивыми вышитыми узорами на наволочках. Каждый Новый год бабушка Полина клала мне под елку мешочек с подарками. Когда мама уходила в ночную смену (детский сад – пятидневка, в выходные я оставалась дома), она всегда говорила: «Жди папу, не выходи из комнаты». А я шла к бабушке Полине.

Зимой после семи лет я жила в Москве. Мы с мамой часто выходили гулять, а по выходным – с папой. И изредка – с дедушкой, когда он приезжал из Рузы.

Помню, как мама меня подводила к окну, девочка из соседнего подъезда открывала окно и показывала мне свои игрушки, а я ей – свои.

Во дворе дети со мной играли, и я к ним тянулась. Лепили снеговиков, и я вставляла носик из морковки и делала им глазки. С папой мы катались с горки, и он меня отпускал одну съезжать с нее наравне с другими детьми. Один раз я пришла с огромной шишкой на лбу. Мама начала ругать папу, а он ответил: «Пусть растет, как все дети». Мы многого маме не говорили: как сильно меня папа раскачивал на качелях, как катались на каруселях и на аттракционах.

Когда мне было пять лет, родители развелись. Я очень болезненно переживала развод родителей. Хорошо помню тот день. Я обняла маму; когда женщина-судья сказала: «Разведены», заплакала громко. Мама со мной выбежала на улицу, папа тоже. Они поговорили и пошли в разные стороны. Я осталась с мамой.

В СССР женщине, имеющей ребенка-инвалида, положена была отдельная квартира. Давали неохотно, предлагали однокомнатную вместо двухкомнатной. Мама постоянно ходила в жилотдел и просила если однокомнатную, то хотя бы поудобней, не на высоком этаже, без высоких лестниц, но получала отказ. Выбора не было, и мама, хотя это не в ее характере, посадила меня в коляску и повезла к начальнику жилотдела. Стояла зима. Маме тяжело было везти коляску по снегу, да и я уже большая – восемь лет.

Начальником оказалась немолодая женщина. Она ничего не обещала, только внимательно смотрела на меня.

Через месяц-два нам дали ордер на малогабаритную двух-

комнатную квартиру на улице Цурюпы. Бабушке она показалась дворцом. Яркая, солнечная, просторная. Переехали мы в марте. А через полгода я пошла в школу. Школа № 17 находилась недалеко.

Папа после развода получил комнату в коммунальной квартире, через дом от нашей старой квартиры, у станции метро «Профсоюзная». Когда пришлось возить меня в школу, это было далековато. Конечно, в жилконторе ему никто не пошел навстречу, чтобы поменять его комнату к нам поближе. Тогда папа взял мои фотографии и показал их самому большому начальнику в торговле, Лобанову. Он был, по словам папы, мужик суровый и только сказал, посмотрев фотографии: «Хорошая у тебя девчонка». Через какое-то время Лобанов помог папе получить однокомнатную квартиру рядом с нами. Очень удобно. В девяностые годы мы объединили наши квартиры в одну трехкомнатную на той же улице Цурюпы. В апреле 1990 года мама с папой снова расписались, и мы опять стали одной семьей.

РОДИТЕЛИ МАМЫ

Моя бабушка Мира Моисеевна Казакевич родилась в Белоруссии в деревне Костюковичи. В семье было девять детей, трое умерли от тифа. Моя бабушка 1911 года рождения, самая младшая. У семьи был хороший дом, хозяйство, жили безбедно. Многие их родственники после революции уехали в Америку.

Ее мама Хася из рода Ломоносовых – властная, даже жестокая женщина. Не позволила детям окончить учебу. Бабушка очень хотела в школу, но ей дали проучиться только три года. Она была озорная, способная к учебе, играла на балалайке.

В восемнадцать лет бабушка вышла замуж за Абрама Михайловича Шпринца. Дедушка 1909 года рождения. Семья у него была бедная, кроме него, еще брат и сестра.

У бабушки с дедушкой родились трое детей: сын и две дочери. Мой любимый дядя Шура – самый старший, 1932 года, средняя дочка – тетя Эмма, 1936 года, а самая младшая – моя мама Рая, 1939 года. Мама родилась в день, когда дедушку призвали на войну с Польшей. Когда бабушка узнала об этой вести в роддоме, закричала: «Не хочу этого ребенка!» Такой был шок.

Когда в 1941 году немцы пришли в их маленький городок, бабушке было тридцать лет. Дедушку сразу призвали на фронт. А бабушка почувствовала, что надо уходить. Интуиция подсказала: нельзя оставаться с немцами в одном городе. Бабушка начала уговаривать сестер с детьми. Да к ним еще на лето приехала из Москвы ее двоюродная сестра Рая с годовалым сыном Аликом. Родители уезжать отказались категорически. Отец бабушки говорил, что в Первую мировую войну он был в плену у немцев, что это культурный народ и они ничего им не сделают. Так думал не только он, много евреев осталось; конечно, никто не хотел бросать хозяй-

ство. Была и еще причина, мистическая: мама бабушки верила снам, а ей приснилось, что кто-то ей сообщил о гибели ее сына Яши. Она говорила, что ей незачем больше жить, что, если суждено, она умрет в Студенце. Позже к папе бабушки приходили партизаны, говорили, что в соседнем районе убивают евреев, звали его с собой. Не пошли.

Всю семью бабушки в 1944-м расстреляли. Об этом она узнала уже после войны и позже поехала на то место на родину, где, как ей рассказали очевидцы, это произошло. Детей на глазах у родителей кидали в ямы. После этой поездки она вернулась вся больная.

В нашем доме хранится «Книга памяти», изданная в девяностых годах в Белоруссии, в которой рассказано о расстреле семьи Казакевич. Их расстреляли в последнюю очередь, так как папа бабушки был кузнец и подковывал немцам лошадей.

Папа узнал об этой книге и заказал ее в белорусском посольстве, нам ее привезли поездом, передали через официальных лиц. Основана книга на рассказах очевидцев: тех, кто смог спастись. А деревню сожгли.

В августе 1941-го бабушка с детьми двинулись из Студенца. Уходили вместе с семьей директора школы Исаака Абрамовича Аренкова – с его женой Рахилью Наумовной и дочерьми Евой и Бертой, вместе купив лошадь. Аренков знал дороги и направления, куда еще не дошли немцы, а Мира знала, что ее муж служит в Курске. Кажется, в медицинской

части на хозяйственной работе. С ними были Рая и Алик. От верной гибели их спасла моя бабушка. Москвичей никто не брал, бабушка выкинула свои вещи и посадила их.

Знаю по рассказам бабушки, что они с беженцами прошли всю Россию, даже в Сибири побывали, но добраться хотели к сестре Фане, в Москву. В каждом месте, где селились беженцы, бабушка бралась за любую работу: надо кормить детей. Во время бомбежек накрывала детей своим телом: если погибнуть – то всем, если выжить – то всем.

Мой дядя Алик переслал мне вот такой документ, сохранившийся у него. Привожу его письмо полностью.

«Риточка! Направляю тебе перепечатку письма моего отца Казакевича Янкеля Моисеевича 1916 года рождения, родного брата твоей бабушки Шпринц Миры Моисеевны, урожденной Казакевич. Письмо из Верии от 22 сентября 1941 года, за восемь дней перед отправкой на фронт. Адресовано письмо его сестре Фане Казакевич в адрес ее эвакуации. К сожалению, не знаю куда. Но знаю точно, что она возвращалась из эвакуации вместе с нами из Новосибирска в марте 1943 года. А Мира с детьми приехала позже. И я был свидетелем возвращения с войны Абрама Михайловича и его встречи с семьей, которая остановилась у нас в доме на Рождественке». (Авторские орфография и пунктуация сохранены.)

22.09.41 года. Верия.

Здравствуйте мои милые Фаня, Мира и детки. Я пишу Мире потому что надеюсь, что она уже доехала.

Дорогая Фанечка от вас письмо я получил имел я не меньше радости чем ты, что ты здорова. Милая Фанечка Если Мира уже к тебе приехала то знаешь обо всем, если же нет то я тебе вкратце напишу. Вестей о ком бы то не было я не имел ровно 2 месяца. Жил я во многих местах и наконец приехал в эту Верию, откуда дал знать о себе в Москву и Соня с Павликом ко мне приезжали. [Соня Ломоносова – старшая сестра Раи Ломоносовой, жены Яши Казакевича, Павлик Соколов – племянник Ломоносовых, погиб под Сталинградом в 1942 году, десантник. – М. Б.] С тех пор я узнал о всех. Через две недели после побывки у меня Сони с Павликом, против всяких моих предположений ко мне приезжают Рая Алик Соня и Хася. [Это мама со мной, сестрой Соней и двоюродной сестрой Асей, в будущем мамой Юли Гуревич (Грубый) из Калининграда. – М. Б.]. Радости моей не было предела, но тут же радость смешалась с великим горем. 7 7 августа Мира с детьми и Рая с Аликом покинули Студенец и поехали в тыл. Вместе со Студенцом они покинули на верную гибель наших дорогих наших милых маму и папу а также Цию с семьей.

Уговорить маму Хасю покинуть дом невозможно. Родители и сестры с детьми не верили, что дома их ждет гибель от немцев.

После долгих скитаний и мытарств они добрались до Курска, где как тебе известно находился, а может и сейчас находится Абрам. С Абрамом они встретились и в этот момент Абрам получил мое письмо. Рая узнала где я и что я вообще жив поехала в Москву, а Мира к тебе. Доехала ли она или нет ничего не знаю. Вот тебе Фанечка все что я знаю. Вся эта история т. е. сгусток радости плавающий в море слез накладывает на меня тяжелый отпечаток. До глубокой сердечной боли мне жаль моих столь любимых стариков.

Невзирая на все обстоятельства, я считаю того, что они возможно окажутся жертвой гитлеровской банды является в первую очередь Мира.

Я жив и здоров по прежнему. Работаю по-старому.

Больше нечего писать. Будьте все здоровы. Целую Вас Ваш Яша.

Р. С. Я надеюсь что скоро настанет час расплаты за нашу пролитую кровь и мы опять будем дома.

Вот такое письмо сохранилось. Его мне отдала тетя Фаня очень давно, когда я была совсем молодой.

Только в 1944-м добрались до Москвы. Тетя Фаня жила на Петровке в старом доме с огромными потолками, там даже был черный ход для прислуги. Этот дом я хорошо помню, так как в детстве ездила к тете Фане. Я дружила с сыном ее соседей, и мы все время под столом играли в папу с мамой.

Наша игра всех очень веселила.

В Москве двоюродные сестры не приняли бабушку с тремя детьми. Тетя Фаня помогла ей уехать в Рузу, потому что в военное время нельзя было долго находиться в Москве. В Рузе во время войны тетя Фаня рыла окопы, и у нее осталось много знакомых, туда она и отвезла бабушку с детьми. Сначала бабушка скиталась по квартирам, никто не хотел брать семью. И все-таки наконец одна русская семья приняла, с ними бабушка дружила до самой смерти. Бабушка часто говорила, что они ближе родных, которые в Москве ничем не помогли.

Бабушку все в Рузе называли Машей или Марусей. Она работала где только могла: в колхозе, уборщицей. В 1946 году наконец вернулся дедушка, он воевал на советско-японской войне. Сколько слез, радости! Дедушка начал работать в «Рузпотребсоюзе», снабжали область продуктами. Хотя он окончил всего три класса, город начал его продвигать. Дедушка был ответственным, порядочным. Коммунист, свято верил в партию. Снабжал магазины, следил, чтобы все было правильно оформлено. Помогал людям, которые ошибались в подсчетах. Жили скромно, но дедушка не позволял себе чем-то воспользоваться. Его послали на курсы повышения квалификации, потом он стал начальником «Рузпотребсоюза».

Помню счета, с которыми он работал. Помню, в детстве каталась на них.

Дали им на семью от города полдома с огородом. Нужно было поднимать детей. Бабушка занималась детьми, хозяйством, после войны хотелось подкормить детей, они же натерпелись голода. Дедушка играл на трубе, иногда подрабатывал на похоронах. Любая работа была нужна. Дети росли, кормил огород, бабушка шила детям на машинке «Зингер». (Эта машинка до сих пор жива, сейчас она у внучки Наташи.)

Бабушка всегда тянулась к книгам. Помню, она рассказывала, как только уложит детей спать, садилась и читала всю ночь. Любила классику. Откуда эта страсть к книгам, она сама не понимала...

Еще бабушка очень любила театр, но Руза не Москва. Когда с работы дедушки профсоюз давал автобус для поездки в Москву, в театр, бабушка и дедушка никогда не пропускали ни одной поездки. К сожалению, это бывало не так часто. Я даже знаю ее любимый спектакль – «Учитель танцев» по пьесе Лопе де Вега в Центральном театре Советской армии, играл там Федор Чеханков, любимец бабушки. Еще ей нравились песни Николая Сличенко, в доме был патефон.

У дедушки в Белоруссии остались брат Исаак и сестра Ида. Брат женился, у него двое детей и внуки уже, конечно. Внуки дяди Исаака живут в США и в Испании. Иду дедушка любил, жалел. Одинокая она – некому помочь дрова колоть, носить воду. Как-то дедушке сказали, что в Москве есть еврейская семья, дети генерала. Их старому отцу нужен уход и надежная помощница. Так тетя Ида переехала в Москву.

Пришлось официально выйти замуж (без этого было нельзя), оформила брак. Уже в девяностые годы, когда она очень заболела, она жила в нашей семье.

Бабушка с дедушкой прожили вместе шестьдесят лет. Не помню, чтобы они когда-нибудь всерьез ссорились, необыкновенные были отношения – только любовь. А жизнь не из легких: удар за ударом.

Первый удар – поездка на родину, где бабушка узнала о судьбе своей семьи.

Второй удар – родилась я. Больной ребенок – это горе, беда семьи. Но бабушка и дедушка всю любовь отдали мне. А я не могла без них.

Третий удар – у сына Шуры обнаружили рак. Всего в сорок два года. Любимый сын, любимый мой дядя. Помню, как бабушка посадила меня в коляску, повезла в лес и там громко плакала. Я не понимала, что с ней. Восемь лет он болел. В доме стало меньше смеха, больше слез. Дядю все любили. Он умер в год Олимпиады, через два месяца после Высоцкого. Для нашей семьи его смерть была страшной трагедией. Мама на похоронах потеряла сознание, бабушка слегла, дедушка внешне стойко переносил горе, но каждую неделю ходил на могилку и там плакал.

Спасти в войну ребенка, чтоб потом похоронить так рано...

Дедушка умер в 1989 году. Не болел. Инсульт. Бабушка пережила его на два года.

РОДИТЕЛИ ПАПЫ

Мой папа – москвич. Его родители – Роза Львовна и Арон Залмович Богорад. О дедушке по папиной линии я мало могу рассказать. Знаю только, что он был портным, всю его родню выслали в Казахстан во времена Сталина. Дедушку призвали на фронт в первые дни войны. Он взял винтовку, хотя, кроме нитки и иголки, в руках ничего не держал. Пропал без вести почти сразу. Прошли годы, и папа узнал, что есть «Книга памяти», и они с братом нашли фамилию отца среди пропавших без вести.

Бабушка – москвичка. Жили они на Шаболовке. Кроме папы, у них был еще один сын, Михаил, старший. Бабушка работала прачкой, ходила стирать в богатые семьи. Очень веселая, весь двор ее любил. Она и на картах гадала. Люди ей верили и ходили к ней погадать. После рождения папы бабушка заболела и постоянно лежала в больницах. Папу отправили в детдом и затем эвакуировали вместе с детским домом в Пензенскую область.

Какая странная судьба. Моя бабушка Мира в те же годы была беженкой с детьми в той же области. Даже, может быть, в одном селе. И только в 1961 году дороги папы и мамы пересеклись.

Старший сын Миша всю войну находился с мамой. Когда детский дом вернулся в Москву из эвакуации, папу забрали домой. Но бабушка Роза по-прежнему редко выходила из

больниц.

МОИ РОДИТЕЛИ

Папа был хулиганистым мальчиком. И бабушка в авоське носила в школу ремень. Забавно, ведь она никогда не применяла его. Когда папе было пятнадцать лет, случилась трагедия. Когда он пришел из школы домой, увидел, что его мама покончила с собой. Его брат Миша в то время учился в Суворовском училище.

В этом возрасте у подростка самая хрупкая психика. Слава богу, соседи проявляли заботу о нем, звали в гости, подкармливали. Потом папа уехал к родственникам в Казахстан, окончил там школу, вернулся в Москву. Поступал в театральное училище, но его не приняли. Он всегда был артистичным. Смолоду не пропускал ни одного Московского международного кинофестиваля. Спустя много лет, когда на фестиваль сложно было попасть, ему достали один билет, и папа по нему проводил моих двоюродных сестер, бросая билет им в окошко.

Когда в Москву приезжал Дэвид Копперфильд, папа достал два бесплатных билета, чтобы я смогла попасть на выступление. Одна контролерша не хотела нас пропускать, говоря, что я на коляске испорчу настроение зрителям. Все люди встали на мою защиту. А дальше – еще чудеса. У нас оказались самые верхние ряды. И охрана взяла мою коляску и пронесла ее на руках прямо к первым рядам. Дэвид Коппер-

фильд, проходя между рядов, подошел ко мне и обнял меня, сказал по-английски: «Я очень рад». Папа сразу на эмоциях написал про это в газету «АиФ», и они через два дня напечатали статью. Она называлась «Чудеса творит не только Копперфильд».

И таких историй можно рассказать много. Одной холодной осенью, под проливным дождем, нам удалось попасть в «Лужники» на концерт Майкла Джексона. Певец поставил условие, чтобы одну трибуну выделили для инвалидов на колясках. И мне дали всего один билет. Папа по этому билету через все кордоны милиции и турникеты провел меня и двух моих двоюродных сестер. Таких ярких историй у нас с папой много.

Он окончил училище по профессии электромонтера, но от техники был далек. После училища уехал на строительство электростанции в Бугульму. А дальше – армия. После армии поступил в институт имени Плеханова. Учился заочно и работал. В то время у него уже была семья – мама и я.

Всю жизнь папа проработал в советской торговле – в военторге на Калининском проспекте (теперь – Новый Арбат), в торговом центре на Красной Пресне, в торговом центре «Черемушки», открывал универсам «Ясенево».

В молодые годы папа часто бегал на киностудию сниматься в эпизодах. Знал всех актеров и режиссеров советского кинематографа. Работа папы была связана с мехами, и многие артисты обращались к нему, с некоторыми он даже дру-

жил. Бывал в гостях у композитора Евгения Крылатова, общался с Татьяной Васильевой и часто ходил к ним в гости, когда она была женой Георгия Мартиросяна. Нам домой звонили Пуговкин, Кокшенов и даже Инна Гулая.

В девяностые годы все изменилось. Папа ушел из торговли, работал во многих местах, пока не попал по объявлению в культурный центр «Меридиан» в рекламный отдел. Вот тут мы уже не пропускали ни одного концерта и спектакля. Папа однажды встретил в «Меридиане» Татьяну Васильеву. Она играла там в антрепризе. В примерке поговорили. А ее муж Георгий Мартиросян даже выбежал в фойе и приподнял меня в коляске. Так был рад. А как забыть букеты и добрые слова от Сергея Пенкина и Бориса Моисеева, которые подходили ко мне. Однажды выступала Людмила Гурченко. Исполняла песню из «Карнавальной ночи». Села на колени к папе и пропела: «Вот сидит паренек». Забавно.

Папа продолжал работать до семидесяти пяти лет, пока не попросили «освободить дорогу молодым». А без работы он не мог. Много гулял по Москве, чтоб не сидеть дома, делал какие-то записи, и его друг Роман (он всегда помогал нам и мне сейчас помогает) дал ему денег, чтобы папа издал две свои книги. Они продаются в «Озоне» (Илья Богорад. Записки 74-летнего москвича. М.: Авторская книга, 2012; Илья Богорад. 75/1. М.: Авторская книга, 2013). Правда, никакого гонорара папа не получил.

Мама была очень красивой, с волнистыми черными воло-

сами до плеч. Общительная, у нее было много подруг. Любила ходить в театр. Но скромная, и с женихами как-то не складывалось. (Полная противоположность папе, которого с детства окружало женское внимание.) Она окончила железнодорожный техникум и стала специалистом по вакуумно-холодильным установкам.

Мама познакомилась с папой, когда с братом пришла в гости в большую еврейскую хлебосольную семью. Брат Шура дружил с девушкой из этой семьи, а мой будущий папа был ее двоюродным братом.

Когда родилась я, мама пошла работать в детский сад для детей с ДЦП. Она полностью изменила жизнь ради меня. Когда рождается больной ребенок, женщины замыкаются, сторонятся подруг. Ведь у всех счастье, здоровые дети. Горько и больно. Так случается часто. Так случилось и с моей мамой. Но только сначала, потом шок прошел, и мама стала общаться со школьными подругами. Они и поныне ее любят.

На работе маму все любили за простоту и уникальную способность видеть людей. Когда она на кого-то обижалась, она не ругалась, а просто замыкалась в себе.

Мама всю жизнь посвятила мне, больной бабушке, работе. Может, из-за этого они с папой и развелись. Возможно, ему не хватало внимания. С папой отношения были непростые, в основном родителей связывала я. Но когда тяжело заболели дядя Шура и бабушка, папа всегда приводил лучших врачей, делал для родных мамы все, что мог. В советское вре-

меня тяжело было с продуктами, с вещами, папа помогал всем родственникам, тетя Эмма приезжала из Твери, где вообще ничего не было (всем известны советские «колбасные поезда», когда за продуктами в Москву ездили, да и в Москве все надо было доставать), а папа все доставал. Когда у мамы после пятидесяти начались проблемы со здоровьем, папа понял, что надо съезжаться. В 1990 году поменяли свое жилье на трехкомнатную квартиру и снова стали жить вместе.

Папа никогда меня не бросал. Даже когда ему дали отдельную комнату в коммуналке. Каждый день приходил, гулял, брал к себе и приезжал в выходные в Рузу. А зимой катал меня на санках с горы.

Вместе ездили на море, лечить меня – в Ейск, Евпаторию, маме ведь было трудно со мной вдвоем. Денег не хватало, и папа устраивался на работу: то собирать арбузы на бахчу, то еще что-то. Как-то приехал цирк, так папа стал кормить медведей. Заодно и нас с мамой в цирк водил!

Когда я училась в школе, в институте, папа каждый день проводил со мной. После смерти мамы в 2006 году мы остались вдвоем.

Наши отношения с папой были не просто отношениями дочки с папой, мы были близкими друзьями. Делились друг с другом секретами. Мама не всегда меня понимала, а вот папа – всегда.

25 января 2015 года папы не стало. Моя жизнь сломалась. Я не думала, что вернусь к прежней Рите. Глотала упаковки

таблеток, не хотела жить, но спасибо друзьям.

ДЯДИ, ТЕТИ

Моим героем был, конечно, дядя Шура. Очень добрый, любил меня и мою маму и никому не давал нас в обиду, помогал мне и заботился обо мне. Помню его черный портфель, в котором он приносил мои любимые пончики.

Дядя Шура после школы хотел поступить в военное училище, но его не приняли (в те годы евреев не брали), и он пошел в армию. После армии он вместе с моей мамой поехал в Москву, они вместе поступили в железнодорожный техникум, но учились на разных факультетах. Жили они у бабушкиной сестры тети Фани, а потом снимали комнатку.

С дядей Шурой связано много воспоминаний и разных историй.

Как-то мама поехала в Рузу помогать на огороде, я осталась с папой. Приходит дядя Шура и спрашивает: «А Ритка в зоопарке была?» Мы говорим: «Нет». Он сразу одевает меня и говорит папе: «Поехали». Взяли меня за руки, и мы поехали на метро. Обошли весь зоопарк, и я очень устала, тогда он посадил меня к себе на плечи. Помню, одна женщина долго смотрела на нас и с доброй улыбкой сказала: «Какой у тебя красивый, сильный папа!» Мы все в ответ ей улыбнулись.

В Рузе у меня был большой трехколесный велосипед. Мы с дядей Шурой брали велосипед, гуляли подолгу и пели песни.

Всю жизнь он проработал машинистом поезда. Мне было семнадцать лет, когда он умер от рака. Помню, что все депо пришло на похороны, а в железнодорожной газете была заметка о дяде Шуре, которую мой папа сохранил.

Еще во время учебы в техникуме дядя Шура женился, родились две дочки – Ира и Наташа. Ира старше меня на пять лет, а Наташа на год. С ними прошли мое детство и юность.

Мамина старшая сестра тетя Эмма после школы уехала в Саратов, поступила в строительный техникум. Наверное, она не об этом мечтала: у нее был хороший голос, она пела, ей даже прочили учебу в консерватории. Но у бабушки с дедушкой не было на это денег. После техникума ее распределили в Калинин (ныне Тверь), там она вышла замуж за дядю Сашу, рабочего. У них родились две дочки: Алла и Света. Тетя Эмма всю жизнь проработала инженером в институте, а дядя Саша – мастером на заводе.

Мои воспоминания о тете Эмме неоднозначны. Да, она уделяла мне внимание, иногда ездила со мной на прогулки, например в Загорск на экскурсию для инвалидов. Привезла мне в Рузу трехколесный велосипед, которых в те времена нигде не было. Он назывался «для пожилых» и выпускался только в Калинин. Но...

Не могу забыть один случай и не написать о нем. После смерти дяди Шуры у мамы было подозрение на злокачественную опухоль. Папа нашел хороших врачей, но все равно все боялись. И мама потом рассказала мне и бабушке, что,

когда сидели и ждали врача, тетя Эмма сказала: если что-то случится с мамой, меня она к себе не возьмет, так как у нее работа и дети. «Ритке грозит интернат», — так она сказала. Мне было тогда лет двадцать — двадцать с небольшим. С тех пор мое отношение к тете Эмме поменялось, хотя я этого не показывала.

Папин старший брат Михаил, военный, всю жизнь прожил на Байконуре. Дослужился до полковника и переехал в Москву. Отношения у папы с братом не были очень теплыми. Хотя папа любил его, дарил подарки, помогал строить дачу. Когда у брата появились проблемы с сердцем, ему профессор Акчурина делал шунтирование, то папа всячески помогал брату.

Наркоз повлиял на психику дяди Миши, и его сын решил устроить его в психиатрическую больницу, не нужен стал отец. Папа не мог этого допустить: нашел сослуживцев дяди Миши, они собрали деньги, и дядю вылечили в клинике имени Бурденко.

Дядя Миша был человек военный, командир, я бы сказала, очень жесткий. С его сыном Андреем я почти не общалась. Андрей был игроком, и жизнь его не сложилась. Дочка его сейчас живет в Швейцарии. Дядя Миша не питал особой симпатии ни ко мне, ни к моей маме. Он умер, когда мы сидели в самолете: папе подарили путевку в Израиль. Папа даже не смог его похоронить. В последние годы, после смерти моей мамы, они почти не общались. Не знаю почему.

ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ

Ира, дочь дяди Шуры, старше меня на пять лет. Света, дочь тети Эммы, моложе меня на пять лет. С Наташей и Аллой мы были погодки. С детства очень дружили. Особенно много общались в Рузе, куда все съезжались на каникулы.

Ира, старшая сестра, любила уединение. Если она с кем-то встречалась, о ее романах никто не знал. Любила читать, гулять в лесу, собирать лекарственные травы. Среди нас она была самая умная. После школы окончила институт имени Баумана. Ей все давалось легко. В студенчестве любила ходить на байдарках, приезжать всей компанией к нам в Рузу. Я много раз была с ними в лесу, у костра. А вообще они каждое лето ездили со студентами в Уренгой, зарабатывать деньги. Ира была смелая, ничего не боялась.

На втором курсе вышла замуж за однокурсника Андрея. Очень хороший парень и очень добрый. И со мной сразу нашел общий язык. Маме моей Андрей напоминал ее брата. За два месяца до смерти дяди Шуры у Иры родилась дочка Катя. Но дядя Шура внуку не увидел: родилась она в Ставрополе, у родителей Андрея. Позже появился сын Саша.

В советское время Ира работала инженером, ее постоянно повышали в должности. В конце девяностых со своим знакомым из института организовала собственное дело, занимались поставкой лекарств в аптеки. Она объездила много стран, все ей было интересно. Особенно Ире понравилось на

Гоа. Она вышла на пенсию, полюбила свою дачу, у нее двое маленьких внуков. Муж и сейчас работает в космической отрасли.

Наташа, ее родная сестра, веселая, заводная, красивая белокурая девочка с хитринкой. Когда она приезжала в Рузу, все мальчишки стояли у калитки. Она дружила с мальчиком Виктором, который тоже отдыхал в Рузе у своей бабушки. Прошло несколько лет, и Наташа случайно встретила Виктора, потом вышла за него замуж. Окончила институт, работает, все свое время посвящает семье. Им достался дом бабушки Вити в Рузе. Их сын Антон, умный мальчик, студент, учится на экономиста.

Алла, худенькая, похожая на лисенка, медлительная. Все секреты держала в себе и только со мной и Наташей была откровенна. В Рузе подростками они ходили на танцы. Когда мой папа приезжал на выходные, я ходила с ними. От папы у них тоже не было секретов.

Алла окончила техникум, и ее распределили работать в Красногорск. В Москве она поступила в МИИТ. Ей дали комнату в общежитии, но в основном она жила у нас. Как-то в компании Иры Алла познакомилась с Игорем, аспирантом из Кишинева. Они поженились, хотя родители Игоря были против: они были гораздо выше по социальному статусу.

Когда мы в детстве играли на улице, наша соседка в Рузе, баба Галя, сидела с бабушкой на лавочке и, прищурившись, говорила, указывая на Аллу: «Вот эта – будет девочка бога-

та». Бабушка засмеялась: «Наша Алла – копуша». Это потом вся страна узнала, что баба Галя, оказывается, ясновидящая. К ней приезжали с телевидения, корреспонденты из газет, люди за помощью обращались отовсюду.

Прошли годы...

У Аллы и Игоря две дочки – старшая Зоя и Нина на несколько лет младше.

Дети моих сестер частенько находились у нас, и с ними занималась моя мама. Когда дети заболели, их подкидывали к нам, никто не хотел брать больничные.

Я очень любила играть с племянниками. Конечно, маме было тяжело. Больная бабушка, я, дети, но мы все понимали, что это наша семья. Мой папа помогал продуктами, в то время было трудно. Жаль, что, когда мама заболела и ей понадобилась даже не помощь, а простое внимание, ее помощь как-то забылась.

Игорь, когда защищал диссертацию, жил у нас, пока у них не было своей квартиры. Потом у нас росла дочка Аллы и Игоря Зоя, пока ее родители обменивали кишиневскую квартиру на московское жилье. Я очень привязалась к этой девочке. Зоя, необычайная фантазерка, все фантазии доверяла мне.

Прошли годы. Игорь стал предпринимателем, Алла домохозяйка, ее дети устроены. Мне с Игорем было легко. Интересно. В начале девяностых годов Игорь успешно занялся бизнесом, он и сейчас бизнесмен.

Света – самая маленькая из нас. Обычный ребенок. Когда все учились в институте, она еще была школьницей и продолжала ездить в Рузу. Мы с ней и папой ходили на поздние киносеансы. Позже я стала замечать, что Света жестоко относится ко мне. Вот один из таких случаев. Когда бабушка осенью лежала в больнице, Света приехала на помощь нам с дедушкой. Однажды, когда он вернулся из больницы, увидел, как Света бьет меня, и выгнал ее из Рузы. До самой смерти так и не простил.

После школы Света не стала продолжать учиться. Вышла замуж за непутевого парня. Родила сына Алешу и через полгода развелась с мужем. Когда Игорь, муж Аллы, перевез родителей из Калинина в Москву, он взял Свету к себе бухгалтером. Через несколько лет она ушла в другую фирму, там нашла себе второго мужа.

После смерти бабушки мы стали постепенно отдаляться друг от друга. Что называется, жизнь развела. Общение с Ирой и Наташей тоже сошло на нет. Почему – не знаю. Виделись последний раз только на похоронах моего папы. Ира только изредка звонит. Не приезжает никто.

Школа № 17

Мне девять лет. Мои ровесники уже в третьем классе, а я не хожу в школу...

Читать я умела и любила, а вот писать не могла. Подружки в Рузе смеялись надо мной, говорили, что я не такая, как они. Я – в слезы, ведь я уже знала программу первого и второго класса. Обидно очень. Хотела учиться, и вся моя семья хотела, чтобы я училась, но никто не знал, как и где это устроить.

И вот однажды пришли наши друзья: подруга мамы тетя Люся и ее сын с парализованной рукой. Тетя Люся сказала, что есть школа-интернат, где дети всю неделю живут и учатся.

Школа-интернат № 17 – это три больших корпуса. Один корпус для детей с ДЦП, которые обучаются по обычной школьной программе. Второй корпус для детей с умственной отсталостью. Третий корпус – спальни, залы лечебной физкультуры и врачебные кабинеты.

Повели меня на комиссию. Там сказали – непригодна: слишком тяжелая форма болезни, хотя я ответила на все вопросы. Родители попросили сделать исключение, мама пообещала, что будет приводить меня каждый день и сидеть со мной. И исключение сделали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.